

Ли Синлань посерьезнел:

— В чем именно проблема?

— Наши прежние выводы строились на одном факте, — начал Чэнь Гэ. — На том, что нынешняя Вселенная отличается от прежней, но мы действительно вернулись в прошлое, пусть и не в самом строгом смысле слова. Однако мы прошли сквозь червоточину — независимое пространство, туннель в параллельную реальность. Как тогда возможно, чтобы мир, в котором мы оказались, оставался тем же самым? Если эта Вселенная не является результатом эволюции нашей прежней, то как мы можем утверждать, что та Вселенная сколлапсировала, пересобралась, а время обратилось вспять?

— Есть один вариант, — ответил Ли Синлань. — Параллельные вселенные существуют, а значит, существует и пространство, отдельное от конкретного мира. Но мы могли не достичь другой Вселенной. Червоточина — это своего рода П-образный коридор, и мы просто вернулись в свой родной мир. В таком случае приведенные выше выводы верны.

— А другие варианты? — спросил Чэнь Гэ.

— Ты смотрел фильм «Связь»?

— Давай просто сделаем вид, что нет, — взмолился Чэнь Гэ. — Умоляю.

— Это научная фантастика, в оригинале называется Coherence — когерентность, или согласованность. Сюжет строится на гипотезе о существовании независимых квантовых параллельных вселенных. Когда мимо пролетает комета, эти миры вступают во взаимодействие — возникает та самая когерентность. После исчезновения кометы миры снова обособляются, происходит декогеренция, но связь не обрывается бесследно. Главная героиня оглушает саму себя — в одном мире появляются две копии одного человека. Это и есть состояние квантовой запутанности.

— Понял, — вздохнул Чэнь Гэ. — Мой мозг сейчас как раз в состоянии такой «запутанности».

Ли Синлань невольно усмехнулся:

— Если проще, то другая вероятность такова: наша прежняя Вселенная действительно схлопнулась и переродилась, а мир по ту сторону червоточины остался неизменным. Но наше появление вызвало когерентность нескольких параллельных миров — они переплелись, запутались между собой.

— Мне кажется, второй вариант ближе к истине, — задумчиво произнес Чэнь Гэ. — Когда мир

находится в состоянии запутанности, он крайне нестабилен. Весь порядок и законы рушатся: люди превращаются в демонов, происходят вещи, которые невозможно объяснить здравым смыслом.

— Весьма вероятно, — кивнул Ли Синлань. — Но рядом с нами не появились толпы наших двойников. Возможно, это значит, что мир уже прошел стадию декогеренции, или же все вселенные слились в одну. В любом случае всё стремится к стабильности и порядку. Но всё же...

— Что? Я... мне тоже кажется, что здесь что-то не так.

Казалось, они одновременно осознали какую-то важную деталь. Ли Синлань погрузился в раздумья, не замечая странного состояния спутника.

В висках Чэнь Гэ вспыхнул белый свет. В то мгновение его посетило странное чувство — возможно, мозгу просто не хватило «оперативной памяти», чтобы переварить эти теории, и он не хотел больше думать. Глядя на столь же озадаченного Ли Синланя, он сказал:

— Ладно, забудь. Какова бы ни была причина, и пусть мы изменились, самое главное — мы живы. Этого достаточно.

Ли Синлань очнулся от своих мыслей и подтвердил:

— Да, ты прав. Это... великая удача.

— Но разве наше появление не должно было изменить энтропию этой Вселенной? — вдруг спросил Чэнь Гэ.

— Рост энтропии нельзя рассчитать простым сложением или вычитанием, — ответил Ли Синлань. — Хотя, кто знает. Возможно, изменения уже произошли, но раз мы стали частью этой системы, мы не можем наблюдать их со стороны.

— И последний вопрос: если мы лишились «стрелы времени», почему мы продолжали двигаться в определенном направлении, пока наконец не вышли из червоточины?

— Возможно, пока мы пребывали в неведении, в нас самих произошли некие перемены.

— И какие же? Я совсем запутался. Мы вообще считаемся людьми в этом мире?

— Пока неизвестно, что послужило причиной, — задумчиво произнес Ли Синлань. — Но я уверен, что она кроется либо в самой червоточине, либо, что более вероятно, в ком-то из нас.

Чэнь Гэ внезапно рассмеялся:

— Чувствую себя героем какого-то научно-фантастического романа.

— На самом деле вариантов бесконечное множество, — улыбнулся в ответ Ли Синлань. — Но пока я могу осмыслить происходящее лишь в рамках этой системы координат. Кто знает, может, всё это — чистая случайность.

Чэнь Гэ не покидало ощущение, что он упускает нечто важное, какую-то ключевую зацепку. Но стоило ему попытаться сделать шаг к истине, как силы покидали его. Интеллект словно вратарь отбивал все его догадки на самом пороге разгадки.

Он знал, что удачлив, но понимал: мир не всегда будет к нему добр. Если уж Вселенная может взорваться в любой момент, на что еще рассчитывать? Только мужество и милосердие способны разогнать мрак. Вспоминая прошлое, он всегда видел жизнь, полную радости. В каком бы положении он ни оказывался, в его сердце всегда горел крошечный, неугасимый огонек надежды.

«Будь что будет. Решим проблемы по мере их поступления».

Ночью, когда на небе висел тонкий, острый, словно клинок, серп молодой луны, Чэнь Гэ долго ворочался, не в силах уснуть. В конце концов он поднялся и, шлепая сапогами, вышел во двор посмотреть на звезды.

Послышался протяжный скрип открываемой двери.

Чэнь Гэ обернулся. В серебристом лунном свете к нему медленно приближался Ли Синлань, облаченный в темно-синие одежды.

Капюшон был откинут, открывая его лицо — странное сочетание красоты и ужаса. Правая половина была безупречно мужественна, левая — пугала обнаженным глазным яблоком, делаю его похожим на выходца из преисподней, блуждающего в ночи.

Чэнь Гэ не почувствовал страха. Он уже достаточно узнал этого человека, и внешность перестала иметь значение. К тому же — и это было важнее всего — Ли Синлань был «натуралом». Можно было просто любоваться его атлетической фигурой, не рассчитывая на большее.

Ли Синлань присел рядом на террасе. Он заметно нервничал, стараясь сидеть к Чэнь Гэ правой стороной.

Они сидели молча, чувствуя, как ночной ветер перебирает пряди волос. Над ними раскинулась сияющая река звезд, а вдали мерцали призрачные огни Горы Линшань.

Чэнь Гэ изучал созвездия, украдкой поглядывая на соседа. Он гадал: почему с другими Ли Синлань всегда так красноречив, а рядом с ним постоянно возникает эта неловкая тишина? Неужели дело в ориентации? Но ведь он к нему не приставал.

Спустя долгое время Ли Синлань первым нарушил молчание:

— Тебя... не пугает мой вид?

Чэнь Гэ улыбнулся:

— Ничуть! Стоит привыкнуть, и это начинает казаться даже крутым. Я всегда считал, что душа — вот истинная суть человека. Жаль, мама в этом вопросе была со мной категорически не согласна.

— У тебя доброе сердце, — тихо рассмеялся Ли Синлань.

После утреннего разговора Чэнь Гэ почувствовал, что они стали ближе. Человеческие отношения — вещь удивительная.

Сейчас он чувствовал, что может быть откровенным, и, качнув головой, признался:

— Я... я хочу, чтобы всё было хорошо. Но реальность вечно бьет в противоположном направлении. Знаешь, я мечтал, чтобы зомби исчезли — и тут случился глобальный прорыв заразы. Я надеялся, что «Черный камень» пропал навсегда — а он, похоже, раскололся на две части и теперь служит чьим-то целям. Я хотел... Эх, с тех пор как мир наводнили мертвецы, со мной, кажется, не случилось ничего по-настоящему хорошего.

— Беспокоишься о том, что будет здесь? — спросил Ли Синлань.

— Тяжело чувствовать себя беспомощным. Поднебесная рано или поздно объединится, а это значит — бесконечные битвы. Никуда от этого не деться.

Немного помолчав, Чэнь Гэ с иронией добавил:

— Боже, никогда бы не подумал, что доживу до дня, когда буду с кем-то всерьез обсуждать судьбы Поднебесной.

Ли Синлань не смог сдержать улыбки:

— Ресурсов сейчас катастрофически мало. Война за выживание в таких условиях неизбежна. Эпоха Сражающихся царств длится уже два столетия, мир угодил в мальтузианскую ловушку.

— В какую ловушку? Мальту... что? Не понимаю, — честно признался Чэнь Гэ. — Я просто не хочу войны. Я хочу мира.

— Ты...

— Смейся-смейся, — махнул рукой Чэнь Гэ. — Я знаю, что выгляжу наивным ребенком, который не хочет принимать жестокую реальность. Я уже привык к насмешкам.

— Нет, — серьезно ответил Ли Синлань. — Всё, что я говорю — лишь теория. Человеку для жизни нужны надежда и радость, так что твой настрой... это хорошо. На самом деле история полна случайностей. Может, если бы мы убили Цинь Шихуана, Ли Сы, Чжао Гао, Ху Хая, Мэн У, Мэн И или Мэн Тяня — всех тех, на ком держится эпоха, — история бы действительно изменилась? Что касается мальтузианской ловушки, когда рост населения обгоняет развитие производства... ну, можно провести реформы. Вдруг сработает?

— Мэн И мы уже знаем лично, так что давай без убийств, — возразил Чэнь Гэ. — Да и вообще, это пахнет излишним героизмом. Отец всегда говорил, что индивидуальный героизм до добра не доводит.

— В мире нет ничего абсолютного, и в героизме нет ничего плохого, — заметил Ли Синлань. — Порой мне кажется, что именно такие личности и толкают колесо истории, указывая путь остальным. Ты слышал о временах Поздней Хань? Эпоха Ван Мана и Лю Сю.

Чэнь Гэ оживился:

— А, Ван Ман! Легендарный «попаданец»!

Ли Синлань рассмеялся:

— Точно. И его противник, император Гуанву, Лю Сю. Именно при нем произошло «возрождение Хань». Лю Сю возглавил знаменитую битву при Куньяне. Тогда он был лишь помощником генерала и командовал армией в десять тысяч человек против сотысячного войска Ван Мана.

— И как он победил? Благодаря уму? — удивился Чэнь Гэ.

Ли Синлань покачал головой:

— С неба обрушился метеоритный дождь, ударивший прямо по вражескому лагерю. Лю Сю первым сориентировался, бросился в атаку и собственноручно сразил десяток врагов. В итоге десятитысячное войско наголову разбило армию в сто тысяч человек.

— Ха-ха! — расхохотался Чэнь Гэ. — Битва «попаданца» против «избранника небес»! Ясно, главному герою без «читов» не победить.

Ли Синлань внимательно посмотрел на него и вдруг совершенно серьезно произнес:

— Возможно, ты и есть такой герой.

— Ты когда-нибудь видел героя, который чуть что — сразу в слезы? — парировал Чэнь Гэ. — Даже Дэдпул только сквернословит, но уж точно не рыдает, когда его бьют.

— Слезы не признак трусости. Скажи, чего бы ты хотел?

— Я хочу спасти людей. Хотя бы убереечь жителей этого города от страданий, но я не знаю как. Проблема с зомби тоже кажется неразрешимой. Хотелось бы взглянуть на Сяньян, но, судя по действиям Цинь, боюсь, этому месту грозит нападение мертвецов. «Не прибрав в одной комнате, как можно убрать всю Поднебесную?» — кажется, так говорят? Думаю, нам стоит на время остаться здесь и сделать всё возможное, чтобы помочь им.

— Понимаю. Если ты этого хочешь, мы можем попробовать. И не нужно никаких технологий будущего вроде пороха или стекла. Здесь есть дерево — мы можем соорудить простые оборонительные орудия. Для большой войны их мало, но против зомби — в самый раз. У меня есть опыт ведения боя, я могу заняться обучением местных.

Чэнь Гэ ошарашенно уставился на него:

— Ты на кого учился? Откуда ты всё это знаешь?

— В бакалавриате изучал криминологию, в магистратуре — в том же университете, что и старший брат Цзянь, — перевелся на машиностроение. Пришлось попотеть, конечно. Но в итоге всё равно оказался в армии.

— Я иногда всерьез сомневаюсь, что мы с вами принадлежим к одному биологическому виду, — вздохнул Чэнь Гэ.

— Ложись спать, — мягко сказал Ли Синлань. — Не забивай голову. Ты еще ребенок.

— Я не...

Внезапно ночную тишину прорезали звуки борьбы, звон разбитой посуды и топот бегущих ног.

Они переглянулись и одновременно бросились в ту сторону, где располагались покои Бяньян-

цзюня. У дверей спальни в главном дворе они увидели две борющиеся фигуры.

Господин Бяньян, с распущенными волосами, хромая, пытался вырваться из крепкой хватки. На нем была лишь белая ночная рубаха — очевидно, его вытащили прямо из постели.

Второго человека Чэнь Гэ сразу узнал. Это был Чжан Юаньцзю, тот самый заносчивый циньский дутунь, который пытался важничать на приеме в день их прибытия в Город Линъюнь. Сейчас он был при полном вооружении: черные доспехи, начищенные до блеска, туго облегли его мощную фигуру. Вид у него был воинственный, хотя было ясно, что настоящих сражений он не видел давно.

Господин Бяньян, хмурясь, но сохраняя сдержанность, произнес:

— Дутун Чжан, я глубоко признателен вам за то, что вы явились в столь поздний час, дабы предупредить меня. Но я ни за что не брошу своих людей.

Чжан Юаньцзю в отчаянии воскликнул:

— Упрямый ты баран! Почему ты такой твердолобый?! В землях Хэло сейчас смертельно опасно. Если ты не уедешь со мной сегодня ночью, у тебя не останется ни единого шанса на спасение!

Господин Бяньян ухватился за колонну террасы и резким движением оттолкнул офицера. Тот повалился на землю, и Бяньян тут же поспешил помочь ему подняться:

— Вы при исполнении, у вас есть приказ — уходите немедленно. Если в вас еще живы старые чувства, то просто скажите: какая именно опасность нам грозит?

Чжан Юаньцзю пробормотал себе под нос:

— Нельзя... Нельзя... Это военная тайна.

Подойдя ближе, Чэнь Гэ почувствовал резкий запах перегара. Оказалось, Чжан Юаньцзю был мертвецки пьян — только поэтому хромой господин Бяньян смог сбить его с ног. «Живы старые чувства»? Значит, их что-то связывало в прошлом? Чэнь Гэ переводил взгляд с одного на другого, и в его воображении вдруг вспыхнула догадка: неужели это история в духе «Красавца и чудовища»?

Он выступил вперед, заслоня собой господина Бяньяна, и обратился к офицеру:

— Вы пьяны. Уходите, поговорим завтра.

Чжан Юаньцзю, чье лицо покраснело от хмеля, вскинулся:

— Пошел вон! Щенок, твоего мнения никто не спрашивал!

Чэнь Гэ не стал спорить. Он развернулся, собираясь проводить господина Бяньяна в комнату и подальше от этого пьянчуги.

Однако Бяньян-цзюнь медлил, выглядя встревоженным:

— Цинь собирается напасть на Царство Хань?

Чжан Юаньцзю тяжело опустился на землю и, засыпая на ходу, пробормотал:

— Если бы просто нападение на Царство Хань... это еще полбеды. Послушай меня в последний раз: если не уедешь со мной сегодня, через десять дней будешь горько жалеть.

Господин Бяньян скрылся в комнате. Перед тем как закрыть дверь, он произнес:

— Я ценю вашу заботу, дутун. За те десятилетия, что вы оберегали меня, я давно вернул вам долг за ту единственную трапезу, которой когда-то угостил вас. Мы в расчете.

Чжан Юаньцзю взревел:

— Я знаю, ты всегда презирал меня! Я, Нусанха — просто грязный бродяга в твоих глазах, а ты — великий господин Бяньян, титулованный самим Сыном Неба! Я — убийца, чьи руки по локоть в крови, ты — книжный червь! Когда-то я подыхал от голода и холода за стенами города, и именно ты дал мне кусок хлеба, научил грамоте и дал новое имя. Но как бы высоко я ни забирался, ты всё равно смотришь на меня свысока! И даже сейчас ты готов сдохнуть, лишь бы не принимать от меня помощи!

Чэнь Гэ онемел от такого признания.

Из-за закрытой двери донесся голос Бяньян-цзюня:

— Я никогда и никого не презирал. Тот, кто всегда смотрел на тебя свысока — это ты сам.

Чжан Юаньцзю вскочил и с силой ударил ладонью в дверь. Раздался оглушительный грохот.

Чэнь Гэ, стоявший рядом, вздрогнул от неожиданности и на рефлексах перехватил локоть офицера. Залом, поворот — и через мгновение пьяный дутун уже лежал лицом в земле.

Ли Синлань молча наблюдал за этой сценой.

А Чэнь Гэ, в голове которого уже сложился сюжет трагического романа на сотни тысяч слов, внезапно почувствовал жалость к этому человеку. Он пробормотал слова утешения, глядя, как раздавленный горем Чжан Юаньцзю покидает поместье.

Ли Синлань негромко произнес:

— Похоже, мои догадки подтверждаются.

— Да, настоящая драма, сердце разрывается, — вздохнул Чэнь Гэ.

Они заговорили одновременно, но каждый о своем. Поняв, что ляпнул лишнее, Чэнь Гэ поспешно добавил:

— Я имею в виду... их старую дружбу.

Ли Синлань усмехнулся:

— Иди спать. Остальное я беру на себя.

<http://bllate.org/book/17509/1662332>